

ВЧЕРА в Москве закончились гастроли Свердловского государственного драматического театра, интересного коллектива, который славен своим сильным актерским составом. Именно с актерами, встретившимися с большой литературой, и связан в первую очередь успех таких спектаклей свердловчан, как пушкинский «Борис Годунов» и «Миндаугас» Ю. Марцинкявичюса. Это спектакли наиболее значительные среди всех, показанных во время московских гастролей.

Вероятно, наличие в труппе Г. Апитина, актера глубоко личностного, большого дарования и обаяния, обусловило и са-

риста, актера, который и в любовном объяснении с Мариной Мнишек закипает и гаснет, так сказать, по нотам. Нет в этом Самозванце молодой энергии, талантливости натуры, которые на определенных порах и привлекали к нему сердца.

В отличие от куйбышевцев, также поставивших «Миндаугас», свердловчане не идут по пути раскрытия нравственной деградации, морального опустошения главного героя. И сильные, и слабые стороны характеризуют Миндаугаса — Г. Апитина как на утренней заре его деятельности, так и в ее вечерний час. Апитинский герой отнюдь не проигрывает спор со Стариком-горшечником (К. Максимов). И здесь не

фигура соглядата и ханжи, актриса приоткрывает затем душевный мир тетушки, мечтавшей в юности о счастье, об осмысленной жизни, но смятой и растоптанной тусклой, рабской действительностью.

Удивительно точную и бытовую, и психологическую характеристику дает своей героине Бланш Г. Умпелева, играющая в пьесе Т. Уильямса «Трамвай «Желание», поставленной старейшим режиссером свердловской сцены В. Битюцким.

Не все из привезенных свердловчанами спектаклей равноценны.

Особенно же неудачен, на мой взгляд, оказался спектакль, осуществленный Е. Лифсоном, — «Репортаж с петлей на шее» (по известной книге

всего того, что должно произойти, упрощенность образов. Спектакль о рабочем классе, о процессах, характеризующих его нынешний день, остро нужен такому крупнейшему промышленному городу, как Свердловск. Однако при создании спектакля театру было необходимо руководствоваться значительно более высокими критериями требовательности.

Что же касается пьесы Э. Вериго «Перехожу к действиям», то я вынужден, отмечая добрые намерения автора и театра восславить подвиг наших разведчиков, создать свой спектакль на военно-патриотическую тему, сказать и об откровенной подражательности произведения, и о все той же упрощенности характеристик героев...

Итак, какой же баланс гастролей? Вырос ли театр за пятнадцать лет, прошедших после последних столичных гастролей, окреп ли творчески? Односложно на этот вопрос не ответишь. Обогатились за эти годы наши представления об искусстве, выросли, укрупнились наши критерии; следовательно, вырос и театр, стремящийся не отстать от времени и в лучших своих спектаклях соответствующий этим критериям и представлениям. Уже само его обращение к «Борису Годунову» и к «Миндаугасу» свидетельствует о

У карты театральной России

15 ЛЕТ СПУСТЯ

мой выбор этих произведений, и некоторые существенные особенности их сценического воплощения. Не затушевывая резких противоречий мятущихся натур, мук их совести, Г. Апитин оттеняет и в Борисе Годунове, и в Миндаугасе черты крупных исторических деятелей, немало сделавших для родной земли. Да, ясно ощущим отрыв этих правителей от народа, но ощутимо и то, что, люди мыслящие, пытливые, они сознают этот отрыв, воспринимают его как трагедию и, однако же, преодолеть его бессильны. И в том и в другом спектакле, особенно в пушкинском, Г. Апитину в сценах кульминационных удается достичь большой трагедийной силы, высокого накала чувств, лишенных и тени сентимента и мелодрамы.

Работа Апитина над образом Всеволода, страстный и пламенный образ, созданный им, способствовали и резонансу пьесы А. Штейна «У времени в плену», сделали менее заметными некоторые ее недостатки, ощутимые, скажем, в спектакле Московского театра сатиры. Актер и театр (режиссер А. Соколов) более подчеркнули целостность, значительность характера воина, нежели извили пути к революции выходца из дворянской среды.

Ставя «Бориса Годунова», А. Соколов стремился подчеркнуть роль народа как решающей силы истории. Его представители наделены театром четкими и яркими характеристиками, чему немало способствует участие в «народных» сценах ряда ведущих мастеров театра. К сожалению, малонаселенность этих сцен мешает постановщику в передаче социальных чувств, все нарастающего гнева и протеста народных масс. Что это — недостача вспомогательного состава или стремление к лаконизму в режиссуре, оборачивающееся в данном случае пластической и эмоциональной невыразительностью, — сказать трудно.

В спектакле имеется немало интересных сценических воплощений пушкинских образов: Варлаам — М. Буйный, Патриарх — Г. Гецов, Курбский — В. Воронин и другие. Имеются, однако, и образы, рождающие острое желание спора. Таков прежде всего Самозванец. Пушкин наделил его пылким сердцем. В Кирилличев же играет лишь расчетливого карье-

ратора, актера, который и в любовном объяснении с Мариной Мнишек закипает и гаснет, так сказать, по нотам. Нет в этом Самозванце молодой энергии, талантливости натуры, которые на определенных порах и привлекали к нему сердца.

В привезенных свердловчанами спектаклях есть крупные актерские удачи. Именно с работой Л. Кисловского связан успех спектакля «Своей дорогой» (пьеса Р. Ибрагимбекова). Созданный им образ геолога Фарида Салаева привлекает своей целостностью, целеустремленностью, человеческой масштабностью, обостренным чувством личной ответственности за дело, не только за нынешний день, но и за завтрашний. И именно актер насыщает сценический образ Фарида тем гуманистическим содержанием, которого недостает образу драматургическому. Скажу, пользуясь выражением Белинского, что Л. Кисловский своей игрой заметно «дополняет» драматургический образ.

А сколько интересных работ увидели мы за время гастролей у такого актера, как Л. Охлупин! (Замечу, кстати, какое, вероятно, дополнительное волнение испытывал этот актер, выступая на сцене, где играет обычно его сын — Игорь Охлупин, актер Театра имени Вл. Маяковского.) Это и старый буровой мастер Уланов в спектакле «Своей дорогой» — человек молчаливый, но громадной, всепоглощающей любви, не мыслящий жизни без любимой женщины; и Сысоев в спектакле «У времени в плену» — солдат пяти войн, человек простой и сердечный, олицетворяющий собой мужество и несгибаемость духа; и Пимен в пушкинской трагедии — старец с ясной, мудрой и страстной душой, чувствующий себя грозным обвинителем Бориса...

К крупным актерским достижениям драматизма относится и образ мадемуазель Куку, созданный Е. Захаровой в спектакле «Безымянная звезда» (пьеса М. Себастьяну). Давая поначалу острую сатирическую

Сцена из спектакля Свердловского государственного драматического театра «Своей дорогой». Аня Бекетова — Т. КАЗАКОВА, Фарид Салаев — Л. КИСЛОВСКИЙ.

Ю. Фучика). Отказываясь от постижения характеров тех людей, которых они призваны были бы играть, от принципа перевоплощения в образ, актеры ограничиваются задачей докладывания текста. В результате получается спектакль, не раскрывающий смысла гневной и страстной предсмертной книги Юлиуса Фучика в живых и конкретных образах, в движении конфликта, схватке идей, а лишь иллюстрирующий события, о которых повествует автор. Вместо полнокровных человеческих характеров на сцене — их бледное подобие, отвлеченные, условные фигуры. Можно было бы воспринять спектакль этот как поиск новых возможностей драматического театра. Только в поиске этом нет главного: самостоятельности, стремления к образности, к выразительности.

Слабые стороны двух других спектаклей — «Всего дороже» и «Перехожу к действиям» — связаны прежде всего с недостаточностью драматургии.

Глубокий, талантливый роман В. Попова многое утратил при переводе на язык сцены. Для инсценировки и спектакля характерны дробность, чрезмерное обилие эпизодов, беглость характеристик, очевидность

том, что коллективу, его режиссуре по плечу самые серьезные, самые сложные творческие задачи. Именно эти спектакли определяют и уровень нашей требовательности к театру. Всегда ли, однако, верен театр этому уровню? Увы, как показали гастролы, не всегда. Отсутствие в репертуаре театра М. Горького, А. Островского, произведений советской классики не может не сужать творческих возможностей талантливого коллектива. Силы труппы, подобранной тщательно, продуманно, особенно в мужском составе и в части старшего поколения, используются не в полную меру. Но нет оснований сомневаться в способности талантливого коллектива к дальнейшему творческому совершенствованию, к тому, чтобы всегда руководствоваться во всей своей деятельности высокими идейно-творческими критериями и, преодолевая издержки, недостатки, просчеты, еще увереннее двигаться вперед по пути реалистического, углубленного отражения и освоения действительности.

Юр. ЗУБКОВ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР